

ФЕНОМЕН КУЛЬТУРНОГО ПОГРАНИЧЬЯ: ПОСТМОДЕРНИСТСКИЕ ДИСКУРСЫ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Рассматриваются постановка и осмысление в современной социальной теории понятия пограничья, продуктивный потенциал постмодернистских дискурсов пограничья, открывающий “иной взгляд” на культурные реалии и связанные с ними неоднозначные процессы современности.

На протяжении последних двух десятилетий заметно возрос интерес к исследованиям территориальных, социальных и культурных аспектов пограничья. Вместе с тем теория пограничий, представленная в зарубежных исследованиях и практически отсутствующая в отечественной культурологии, переживает период становления. В современной социальной теории остается проблематичным само понятие пограничья, содержание которого варьируется от его отождествления с государственно-политическим приграничьем до его предельно широких интерпретаций. Постмодернистская интерпретация пограничной проблематики, связанная с именами антропологов А.Аппадурои, Р.Альвареса, Г.Ансалдуа, А.Гупты, Дж.Клиффорда, Р.Росальдо, Дж.Фергюсона [7; 8; 9; 10; 13; 15; 29] и представителей постколониальных исследований Х.Бхабха, В.Миньоло, С.Холла [12; 5; 25], является одним из ведущих направлений современной культурологии. Работы и идеи названных авторов инициировали постмодернистский дискурс пограничья в Польше (М.Кемпны, М.Ковальска) [21; 22], Литве (Т.Качераускас, Б.Никифорова, А.Самалавичюс) [19; 20; 26; 30], Беларуси (В.Л.Абушенко, Н.А.Антанович и др.) [1; 2]. В статье предпринят анализ постмодернистских интерпретаций пограничья, совокупность которых составляет современный дискурс пограничья.

Решение поставленной задачи уместно предварить рядом замечаний относительно постмодернизма как такового в связи с его отношением к пограничной проблематике. Хотя постмодернизм не является чем-то законченным, единым и универсальным, ему присущи общие черты, которые наиболее рельефно выразились в «проблеме “инаковости”, критике программ Просвещения и разработке понятия культуры» [27, р. 442]. Эти три аспекта не только взаимосвязаны, но в конечном итоге сфокусированы на “постмодернистском пограничье”, что следует из анализа работ К.Баркера, Ю.Хабермаса, П.Рикера, М.Херцфельда и др.

Ю.Хабермас показал, что постмодернизм представляет собой *критику (совокупность критик) “модерна” как просветительского проекта* и рационализма, универсализма, сциентизма, идеи прогресса, европоцентризма как его составляющих [6]. Соответствующим образом постмодернизм выводит на первый план единичное, локальное, частное, периферийное, экзотическое, маргинальное, инаковое [25, р. 570].

Постмодернистская *инаковость* обнаруживается на любом пересечении культурных сходств и различий. Концепт *различия* является одним из ключевых в постмодернизме, утверждающим “различие во имя различия” (П.Рикер) [28, s. 475]. В постмодернистски ориентированных социальных исследованиях отмечается “взрыв различий”, которые “не просто существуют”, но “представляют собой продукты какой угодно человеческой деятельности” (М.Херцфельд) [15, s. 204, 208] и, следовательно, выступают в качестве социального конструкта и предмета интерпретации. По А.Аппадурои, “хотя термин *различие* вызывает много ассоциаций <...> его главным достоинством является универсальный эвристический характер, акцентирующий сходства и различия между самыми разными категориями: классами, мужским и женским родом, ролями, группами и народами” [10, s. 24]. Таким образом, инаковость приобретает статус категории с практически неограниченной областью применимости и столь же широкими возможностями ее интерпретации.

Эпистемология постмодернизма в исследованиях культуры исходит из принципа, заложенного М.Фуко, Ж.-Ф.Лиотаром, Р.Рорти, согласно которому знание не имеет ни метафизического, ни трансцендентального, ни универсального характера, но

соответствует данному времени и месту в пространстве. В постмодернистском понимании знание является определенной перспективой. Это означает, что «не существует единого тотального знания, способного отразить “объективный” характер мира. Скорее, мы неизбежно имеем дело с многочисленными и разнообразными точками зрения, или истинами, которые используются в целях интерпретации сложности и гетерогенности человеческой жизни» (К.Баркер) [11, s. 22]. Постмодернизм утверждает локальный и многообразный характер знания, которое выступает в виде своеобразных языковых игр. Отсюда повышенный интерес к “локальным историям” (“нарративам”) как антитезе “больших нарративов”, которые переживают постмодернистскую “декомпозицию” (Ж.-Ф.Лиотар) [4, с. 44, 55], а также специфические способы постмодернистского теоретизирования, каковыми являются *дискурс, деконструкция, интерпретация, проект, репрезентация*. По П.Мейсону, “реальный мир как основа постмодернистского дискурса теряется как предмет знания”, а сам “дискурс отрывается от предметной реальности, становится творческим созданием, латинским *factio*” [24]. В результате социальное знание начинает вращаться в орбитах “воображаемых миров”, что показывают конструкции и проекты дискурса пограничья.

Постмодернистская рефлексия над культурой посредством категории инаковости открывает в ней то, что Дж.Клиффорд определяет как «дез-“ориентацию”», при которой “различие нас поджидает за соседним углом, а где-то на краю земли вдруг обнаруживается то, что нам хорошо знакомо” [13, s. 21]. При этом постмодернистское исследование культуры не является “целостной практикой интерпретации различных образов жизни”, но представляет собой “цикл разрозненных диалогов” [13, s. 21]. Дж.Клиффорд заключает: «“Культурные” различия не означают устоявшейся экзотической инаковости, поскольку отношения Я-другой оказываются в большей степени вопросом власти и риторик, нежели сущности. Под вопрос ставится все, что связано с подлинностью культуры и искусства» [13, s. 21]. Сказанное выше позволяет прояснить предпосылки преимущественного интереса постмодернистских исследований к *расово-этнической* тематике (С.Холл), культурной *гибридизации* (Х.Бхабха, У.Ханнерц) [12; 16] и к *пограничью* как «к тому, что находится “между”, к сфере контакта, в которой разрыв непрерывностей утрачивает свою остроту» (М.Херцфельд) [17, s. 204].

“*Постмодернистские пограничья*” как специфическая область теоретизирования, по оценке Р.Росальдо, “переместились из периферии и заняли центральное место” [29, p. 28] в современном социальном дискурсе. Ключевым в дискурсе пограничья является тезис об “универсальности” пограничий, которые, как пишет Я.Кучинский, присутствуют всюду, составляя “содержание человеческой экзистенции” [23, s. 100]. Поскольку в современном мире практически не встречаются гомогенные культуры, “сегодня нет центра, но есть лишь непрерывно расширяющееся пограничье” [18]. В итоге пограничьем именуется все, в чем усматривается инаковость в самом широком смысле этого слова. По Р.Росальдо, “пограничья покрывают не только официальные границы признанных культурных единиц, но также менее формальные места пересечения, например пола, возраста, социальной позиции и различий жизненного опыта” [29, p. 28–29]. Близки к позиции Р.Росальдо взгляды Р.Альвареса, который пишет о “пограничьях социальных практик и культурных убеждений, существующих в современном социальном контексте” [8, p. 448]. По его мнению, пограничья приобретают метафорический и ассоциативный характер и “относятся не к физическому пространству, в котором сходятся государственные границы, но к местам, которые потенциально можно обнаружить повсюду, в которых различные культуры вступают в интеракции без утраты отличающих их черт” [7, p. 607]. Превращение пограничья в универсальный мыслительный конструкт “постмодернистского субъекта” как следствие “детерриториализации” и “делокализации” культуры является ключевой идеей А.Гупты и Д.Фергюссона: «Этот термин (пограничье. – Н.Б.) указывает не на постоянную топографическую точку между двумя другими постоянными местами (народами, обществами, культурами), но на пространство перемещения и детерриториализации, формирующее идентичность гибридного субъекта. Вместо того, чтобы отказаться от него как малозначимого маргинального пространства, тонкой полоски земли между стабильными местами, мы утверждаем, что понятие

пограничья является наиболее адекватной концептуализацией “нормального” места постмодернистского субъекта» [15, с. 281].

Подобная постмодернистская инверсия пограничья предопределена современной социокультурной ситуацией – глобализационными процессами, изменением функций границ, массовыми миграциями, ростом полиэтнических мегаполисов, международной туристической индустрией (путешествие – это всегда “переключение культурных кодов” [11, с. 296]), виртуализацией информационного пространства, благодаря которой культурная инаковость пришла в каждый дом вместе с телевидением и Интернетом. Теоретическая рефлексия над этими процессами вызвала к жизни претендующие на универсальность и адекватность описания культурной ситуации современного человека концепты-метафоры “мира без границ” и “глобального этноландшафта” А.Аппадурай, “путешествия” (как антитезы “места”) Дж.Клиффорда и др. В одном ряду с ними оказывается “постмодернистское пограничье”. Вместе с тем в анализируемых текстах выявляется связь “постмодернистского пограничья” и идентичности “постмодерного субъекта”, которая оказывается дефрагментированной, “гибридной”, расколотой, подвижной, плюралистичной, избирательно репрезентируемой, “растянутой во времени” и “незавершенной” (С.Холл) [25, р. 611], как и само пограничье.

Второй аспект постмодернистского дискурса пограничья может быть обозначен как его “незавершенный проект”, который сфокусирован на Европейском ареале и восходит к идеям книги З.Баумана “Незавершенное путешествие под названием Европа” [3], посвященной идентичности Европы и той политической и культурной роли, которую она может и призвана играть в современном мире. Эти идеи получили резонанс в странах Центральной Европы, главным образом в связи с новой расстановкой политических сил в глобальном и европейском масштабах, европейской интеграцией, что повлекло необходимость переосмысления самого феномена Европы, ее сущностных определений, границ и понятия европейской идентичности (“европейскости”). Этой проблематике посвящена обширная литература историко-культурного, политологического и иного характера, обсуждение которой выходит за рамки статьи. Поэтому ограничимся отсылкой к работам, в которых постановка и осмысление данной проблемы осуществляются в рамках постмодернистского подхода (М.Карскенс, М.Ковальска и др.) [14; 22]. Финалом ее реализации, по определению М.Ковальской, стала “деконструкция известной идеи Европы” [22, р. 14].

Третий аспект постмодернистской интерпретации пограничья связан с идеями В.Миньоло и их аппликациями к восточноевропейской, в том числе и белорусской, реальности. Важными направлениями постмодернистских исследований являются *постколониализм*, *постоксидентализм* и *посториентализм*. “Постколониальная теория” включает две области: теорию доминирования (подчинения) и теорию гибридизации-креольства, которые находятся в центре внимания В.Миньоло: “Одной из версий теоретизирования, которую я представляю и за которую выступаю, является мышление из границ и из перспективы подчиненного” [5, с. 179]. Речь идет о так называемой “подчиненной рациональности”, которая заключена в порожденной колониализмом “структуре геополитики знания” [5, с. 162]. Геокультурное распределение знания как следствие колониального наследия интерпретируется В.Миньоло в категориях “глобального дизайна” и “локальных историй”. Подчинение “локальных историй” логике “глобального дизайна” органично модерну, помещающему Европу в центр мировой истории и конструирующему неевропейскую инаковость как ее периферию с “подчиненной рациональностью” и “локальными историями” как историями “варварства” и “не-центра” [5, с. 185]. Поскольку “локальные истории” вписаны в “глобальный дизайн”, имеет место ситуация, которую В.Миньоло называет “пограничный гнозис” [5, с. 162], являющий собой “форму подчиненной рациональности, форму мышления из пространства между локальными историями и универсальными знаниями” [5, с. 162]. “Пограничный гнозис” и есть основа интерпретации пограничья в “постколониальных исследованиях”. Рано или поздно “пограничный гнозис” стремится преодолеть подчиненность. Здесь кроется один из корней постмодернизма как “дискурса контрмодерна” [5, с. 168].

В рамках постколониального дискурса современные белорусские (и не только) теоретики сформулировали разнообразные идеи и стратегические подходы к исследованию феномена “Беларусь как Пограничье”, которые заслуживают внимания. Речь идет о феномене “креольства” применительно к характеристике культуры и идентичности белорусов (В.Л.Абушенко) [1], об идентичности в ситуации пограничья (Н.А.Антанович) [2] и т.д. Взгляды отечественных авторов реактуализируют белорусский социокультурный контекст, побуждая взглянуть на него по-новому и позволяя увидеть в нем то, что остается за рамками “классических” академических исследований.

Анализ постмодернистских интерпретаций пограничья позволяет сделать следующие выводы. В современной постмодернистски ориентированной социально-культурологической теории утверждается понятие “постмодернистского пограничья”. Оно лишено пространственного субстрата и организующего принципа, каковым является территориальная, в том числе государственная, граница в “пограничных исследованиях”, либо этнокультурная граница как категория социологических и культурно-антропологических направлений изучения пограничья. “Постмодернистское пограничье” как исследовательское понятие столь же универсально, сколь универсальна постмодернистски интерпретируемая культурная инаковость. Вместе с тем постмодернистские дискурсы пограничья, порожденные сложными, неоднозначными и динамичными процессами современности, разрушают устоявшиеся и привычные представления о культурных реалиях, содержат продуктивный потенциал и открывают “иной взгляд” на эти реалии и связанные с ними процессы.

1. *Абушенко, В.Л.* Креольство как ино-модерность Восточной Европы (Возможные стратегии исследования) / В.Л.Абушенко // *Перекрестки*. – 2004. – № 1-2. – С. 125–156.

2. *Антанович, Н.А.* Проект идентичности в условиях пограничья / Н.А.Антанович // *После империи: исследования восточноевропейского Пограничья: сб. ст. / ред.: И.Бобков, С.Наумова, П.Терешкович*. – Вильнюс: ЕНУ-international, 2005. – С. 131–138.

3. *Бауман, З.* Незавершенное путешествие под названием Европа / З.Бауман // *Европейская перспектива Беларуси: интеллектуальные модели / сост. О.Шпарага*. – Вильнюс: ЕГУ, 2007. – С. 219–245.

4. *Лиотар, Ж.-Ф.* Состояние постмодерна / Ж.-Ф.Лиотар; пер. с фр. Н.Шматко. – М.: Ин-т эксперимент. социологии; СПб.: Алетейя, 1998. – 160 с.

5. *Миньоло, В.* Оксидентализм, колониальность и подчиненная рациональность с префиксом “пост” / В.Миньоло // *Перекрестки*. – 2004. – № 1-2. – С. 161–196.

6. *Хабермас, Ю.* Философский дискурс о модерне / Ю.Хабермас; пер. с нем. – М.: Весь Мир, 2003. – 416 с.

7. *Alvarez, R.R.* The Long Haul in Mexican Trucking: Traversing the Boundaries of the North and South / R.R.Alvarez, G.A.Collier // *American Ethnologist*. – 1994. – Vol. 21. – N 3. – P. 606–627.

8. *Alvarez, R.R.* The Mexican-U.S. Border: The Making of an Anthropology of Borderlands / R.R.Alvarez // *Annual Review of Anthropology*. – 1995. – Vol. 24. – P. 447–470.

9. *Anzaldúa, G.* Borderlands = La Frontera: The New Metiza / G.Anzaldúa. – San Francisco: Aunt Lute Books, 1987. – 190 p.

10. *Appadurai, A.* Nowoczesność bez granic: Kulturowe wymiary globalizacji / A.Appadurai; przekład i wstęp Z.Pucek. – Kraków: UNIVERSITAS, 2005. – 344 s.

11. *Barker, Ch.* Studia kulturowe: teoria i praktyka / Ch.Barker; przekład A.Sadza. – Kraków: Wyd-wo Un-tu Jagiellońskiego, 2005. – 569 s.

12. *Bhabha, H.* Location of Culture / H.Bhabha. – London; New York: Routledge, 1994. – 464 p.

13. *Clifford, J.* O autorytecie etnograficznym / J.Clifford. Kłopoty z kulturą. Dwudziestowieczna etnografia, literatura i sztuka / J.Clifford. – Warszawa: Wyd-wo KR, 2000. – S. 27–63.

14. *Cope, B.* The Frontier That Always Lies In-Between / B.Cope // *The New Europe: Uncertain Identity and Borders = La Nouvelle Europe: Identité et frontières incertaines / ed. by M.Kowalska*. – Białystok: Wyd-wo Un-tu w Białymstoku, 2007. – P. 241–250.

15. *Gupta, Akhil*. Poza "kulturą": przestrzeń, tożsamość i polityka różnicy / Akhil Gupta, James Ferguson // *Badanie kultury: Elementy teorii antropologicznej. Kontynuacje*. – Warszawa: Wyd-wo Naukowe PWN, 2004. – S. 267–283.
16. *Hannerz, U.* Cultural Complexity: Studies in the Social Organization of Meaning / U.Hannerz. – New York: Columbia Un-ty Press, 1993. – 358 p.
17. *Herzfeld, M.* Antropologia. Praktykowanie teorii w kulturze i społeczeństwie / M.Herzfeld; przekład Maria M.Piechaczek. – Kraków: Wyd-wo Un-tu Jagiellońskiego, 2001. – 500 s.
18. *Higgins, K.M.* A Short History of Philosophy / K.M.Higgins, R.S.Solomon. – New York: Oxford Un-ty Press, 1996. – 329 p.
19. *Kačerauskas, T.* Egzistencinis tautos tapatumas / T.Kačerauskas // *Lietuva globalėjančiamė pasaulyje: straipsnių rinkinys / sud. Dalia Marija Stančienė*. – Vilnius: LOGOS, 2006. – P. 67–79.
20. *Kačerauskas, T.* Globalizacija ir tautinė egzistencija / T.Kačerauskas // *Logos*. – 2006. – N 45. – P. 18–27.
21. *Kempny, M.* Granice wspólnot i „pogranicze” tożsamości / M.Kempny // *Granice na pograniczach. Z badań społeczności lokalnych wschodniego pogranicza Polski / pod red. J.Kurczewskiej i H.Bojar*. – Warszawa: Wyd-wo IFiS PAN, 2005. – S. 125–143.
22. *Kowalska, M.* New Europe, Identity and Frontiers As One Question / M.Kowalska // *The New Europe: Uncertain Identity and Borders = La Nouvelle Europe: Identité et frontières incertaines / ed. by M.Kowalska*. – Białystok: Wyd-wo Un-tu w Białymstoku, 2007. – P. 11–14.
23. *Kuczyński, J.* Wstęp do universalizmu. T.1. Ogrodnicy świata / J.Kuczyński. – Warszawa: Centrum Universalizmu przy Uniwersytecie Warszawskim, 1998. – 355 s.
24. *Mason, P.* Deconstructing America: Representations of the Other / P.Mason. – London; New York: Routledge, 1990. – 224 p.
25. *Modernity: An Introduction to Modern Societies / S.Hall [et al.]*. – Cambridge: Blackwell Publishers, 1996. – 672 p.
26. *Nikiforova, B.* The Other in a Situation of Religious Pluralism (A Postmodernist Discourse) / B.Nikiforova // *Logos: religijos, filosofijos ir komparatyvistikos žurnalas*. – 2005. – N 40. – P. 269–288.
27. *Nugent, S.* Postmodernism / S.Nugent // *Encyclopedia of Social and Cultural Anthropology / A.Barnard [et al.]*. – London; New York: Routledge, 2003. – P. 442–444.
28. *Ricoeur, P.* O sobie samym jako innym / P.Ricoeur; przełożył Bogdan Chelstowski; naukowo opracowała i wstępem poprzedziła Małgorzata Kowalska. – Warszawa: Wyd-wo Naukowe PWN, 2005. – 617 s.
29. *Rosaldo, R.* Culture and Truth: The Remaking of Social Analysis / R.Rosaldo. – Boston: Beacon Press, 1989. – 252 p.
30. *Samalavičius, A.* Globalizacija, nacionalinė kultūra ir tapatumas / A.Samalavičius // *Kultūrologija: Kultūriniai tapatumai ir pokyčiai*. – Vilnius: Kultūros, filosofijos ir meno institutas, 2003. – T.10. – P. 10–20.